

УДК 82.31

ББК 83.3(Рос=Рус)6

Иерей Вячеслав Умнягин,

*Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь,
164070 Соловки, Россия*

РОМАН «ОБИТЕЛЬ» В СВЕТЕ ВОСПОМИНАНИЙ СОЛОВЕЦКИХ УЗНИКОВ

Аннотация: Сопоставление романа «Обитель», посвящённого истории Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) конца 1920-х – начала 1930-х гг. с оригинальными воспоминаниями соловецких узников того же периода показывает мифогенную природу данного художественного произведения. Несмотря на использование ряда документальных сюжетов и то, что значительная часть персонажей наделена чертами реальных людей, отсутствие подлинной исторической перспективы не позволяет современному писателю проследить генезис лагерной среды и возвыситься до духовного понимания феномена ГУЛАГа. Занимая позицию концептуалиста-схематика, он погружает себя и читателя романа в область частных символов и субъективных моделей восприятия. Новизной произведения является изменение точки отсчёта — той меры реальности, которая определяет взгляды, поступки и оценки героев, а в конечном счёте и читательской аудитории.

Ключевые слова: Прилепин, Анциферов, Солженицын, Волков, Соловецкий лагерь особого назначения, мемуары, исторический источник, идеал, религиозная традиция, духовные ценности.

Дата поступления статьи: 02.03.2016

Информация об авторе: Иерей Вячеслав Умнягин — ответственный редактор книжной серии «Воспоминания соловецких узников» (1923–1939), Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь. E-mail: solovki-news@yandex.ru

С момента выхода романа Захара Прилепина прошло два года. Появившиеся за это время рецензии по-разному оценивают как саму книгу, так и её автора. При этом большинство тех, кто высказался по поводу «Обители», почти единогласны в оценке её исторической достоверности, отмечая, что писатель проделал значительный исследовательский путь и пришёл к новому пониманию описанной действительности, что он и сам неоднократно подчёркивал в своих интервью, повторяя: «Я открываю новое» [10].

Заявленная новизна не касается устоявшегося мнения о том, что «Соловки и им подобные “первые ласточки” ГУЛАГа были продолжением Гражданской войны, оставлявшей надежду на более или менее приемлемый исход», тогда как «настоящий лагерь, Колыма — символ принципиально нового явления» [19]. Соловецкие мемуаристы не только подтверждали, а по сути, и формировали подобные выводы, но в полноте своего опыта проясняли и те причины, по которым Колыма стала действительно чем-то качественно иным по сравнению с более ранними проявлениями советской системы

исполнения наказания. В числе важнейшей причины подобной трансформации многие мемуаристы указывали снижение нравственного уровня общества. «Верующие и вообще старой закваски люди просто вымирают, а средний возраст сильно ассимилировался», — писал протопресвитер Михаил Польский, предсказывая, что «менее чем через десять лет Россия по-своему людскому составу будет совсем “новая”» [12, с. 119]. «В то время люди были еще живыми людьми, даже в ГПУ» [2, с. 92], — вспоминал Д. П. Витковский о первом аресте в середине 1920-х гг., сопоставляя это событие с последующим своим опытом лишения свободы. По словам М. М. Розанова, очень скоро на смену чекистов, комсомольцев, уголовников, которые «выросли в православных семьях <...> могли повторить и Десять Заповедей, и Верую, и Отче Наш» и за первые годы большевизма не растеряли ещё «в винном угаре, половой распущенности или утопили в крови то, что воспитывалось с детства <...> и порою проявляли как будто несвойственное им благодушие и чудачества, колебания от зла к добру» [15, с. 17], — на смену им пришло новое поколение, воспитанное в атеистических традициях.

Относительно благополучное положение сидельцев 1920–1930-х гг., по их собственному мнению, было связано не столько с внешними обстоятельствами, сколько с моральными установками гонимых и гонителей, в основе которых лежали известные религиозные ценности. Отсутствие исторической перспективы — учёта дехристианизации и дегуманизации советского общества — не позволяет читателю «Обители» проследить генезис лагерной среды и возвыситься до духовного понимания феномена ГУЛАГа. По той же причине само произведение из исторического романа превратилось в психологический триллер, где передача духа места и духа эпохи подменена бытовыми подробностями и яркими физиологическими деталями, призванными скорее удивлять и шокировать читателя, нежели способствовать его духовному развитию.

Такие выводы вполне уживаются с тем, что многие сюжеты книги заимствованы из воспоминаний соловчан. В романе они нередко дополняются новой символической и смысловой нагрузкой. Например, описывая своё пребывание в неотапливаемом carcere, писатель О. В. Волков вспоминал, как он последовал примеру своих охотничьих собак, которые «в холод свертываются калачиком и, уткнув морду в брюхо, греются собственным дыханием» [4, с. 357]. В романе этот случай приобретает иное звучание, на него наслаивается отчуждённость героя и его стремление отгородиться от окружающего мира и людей. «Обняв себя неловкими руками, Артём всерьёз размышлял, а возможно ли человеку свернуться подобно ежу. Хотя зачем какому-то человеку: вот ему, конкретному Артёму, — возможно ли? Свернуться и закатиться в угол, ошетиниться там, затихнуть, лапы внутрь, голова дышит в собственный пупок, вокруг только спина» [13, с. 515].

Значительная часть героев Прилепина носит имена и наделена узнаваемыми чертами реальных людей. Однако, несмотря на массу совпадений, «Обитель» нельзя считать тщательно проведённой исторической реконструкцией: об этом говорят многочисленные отклонения от известных фактов, которые можно найти на страницах произведения. Ошибки нередко касаются легко проверяемых местных реалий: дубы («нарубили-наломали дубовых и березовых ветвей» [13, с. 102]) и змеи («сегодня видели змею» [13, с. 744]) не встречаются на Соловках. Несмотря на внешнюю незначительность, подобного рода курьёзы вносят определённый диссонанс и заставляют мало-мальски информированного читателя с большим вниманием относиться к менее верифицируемым деталям повествования, например, пространным философским и богословским диалогам, которыми так богата книга.

Другие отклонения можно объяснить творческой концепцией автора, переосмысляющего известные ему события. Так, оказавшись в штрафном изоляторе на Секирной горе, главный герой «сразу, по привычке, занял место наверху <...> сразу определил, где ему жить» [13, с. 499–500]. Историческая достоверность такого поступка вызывает сомнения из-за того, что поведение в изоляторе, расположенном на территории упразднённого Свято-Вознесенского скита, было строго регламентировано. Особенно жёсткой была регламентация для вновь прибывших, лишённых даже того минимума свобод, которыми располагали заключённые других лагерных отделений. «Совершенно подавленный, с отчаянием в груди, я, по окрику чекиста, скинул с себя рубашку, передал ее часовому и в полной безнадежности сел на указанное мне место» [6, с. 213], — вспоминал латышский матрос А. Р. Грубе о первых минутах пребывания в ШИЗО, где даже самые обыденные вещи выполнялись под наблюдением и по команде охраны. «Сначала все прибывающие на Секирную новички заточаются в “верхний штраф-изолятор”, — свидетельствовал И. М. Зайцев. — По прошествии более или менее продолжительного времени, когда администрация “изолятора” убедится, что заключенный “перевоспитан” — это по-“чекистски”, а по-человечески — морально убит, то его снимают в нижний изолятор» [9, с. 307]. Строго детерминированные условия содержания, по мнению генерала, создавались преднамеренно «с целью убить в человеке морально-духовное существо, уподобив его тварям земным» [9, с. 307]. Но автору «Обители» определённая свобода персонажей потребовалась из драматургических соображений. Помимо относительной свободы перемещения, у главного героя в распоряжении оказалась ложка, с помощью которой он сначала расчистил закрашенный побелкой образ, а потом стесал его. Этот поступок можно интерпретировать как поиск, последующее разочарование и «убийство» Бога или самого себя (на эту мысль наводит то, что, по словам писателя, Артём ощущает сходство с изображённым на стене святым). С подачи романиста в распоряжении заключённого духовенства появляются наперсные кресты, Евангелия и что-то хотя бы отдалённо напоминающее священные сосуды для совершения Божественной литургии. Такой произвол, делающий возможным общую Исповедь и Причастие, которых не могло быть в действительности, допустим в художественном тексте, ведь «даже в произведении, основанном на исторических событиях или дающем портретную зарисовку, художник обязательно “додумывает”, осмысляет факт, создает творческую концепцию изображаемого» [5, с. 127]. Но та же свобода творчества не даёт читателю понять, что подлинной причиной «морального убийства» в стенах штрафного изолятора была полная бездеятельность, на которую начальство лагеря сознательно обрекало находившихся здесь людей: «...тоскливо уж больно, — говорил заключённый, отвечая на вопрос лагерного корреспондента: чего же плохого на Секирной горе. — Хорошо еще, коли работа есть, а нет работы, или ежели не положено тебе, — тоска, да какая тоска! Нету такого слова, чтобы про эту самую тоску сказать» [11, с. 25].

К произвольной интерпретации исторических реалий можно отнести и сюжет с разорением некоего монастырского кладбища «в другой стороне острова» ради устройства там скотного двора. Возможно, писатель сознательно использовал преувеличение, чтобы подчеркнуть факт осквернения сакрального пространства обители, сделать его абсолютным и недвусмысленным для понимания любого читателя: «Скотный двор тут будет, — сказал конвойный хмуро; по виду было не понять, шутит или открывает правду. — И так монастырь переделали в скотный двор, по кладбищам пошли теперя, — сказал мужик негромко» [13, с. 33]. Бесспорно, подобный случай вполне мог произойти на Соловках, в конце концов, ведь были уничтожены чьими-то руками тысячи

поклонных крестов на территории архипелага и братское кладбище у южной стороны монастыря, где веками покоились останки усопших иноков. Но такое, вполне допустимое, хотя и не описанное в известных нам мемуарах событие переплетается в романе с темой межнациональных отношений, трактовка которой заслуживает отдельного рассмотрения. В романе неоднократно упоминаются стычки с чеченцами. Эта сюжетная линия имеет свою драматургию и динамику. Первое столкновение происходит как раз во время осквернения погоста: казак Лажечников и чеченец Хасаев обмениваются взаимными оскорблениями и припоминают друг другу родовые обиды («Мы из терских. Когда вас, воров, давили — вы кладбища за собой не утаскивали, оставляли нам своих покойников, чтоб мы потоптали. — Да, да, — согласился чеченец, и это его “да, да” прозвучало как вскрик какой-то крупной щетинистой птицы. — Вы так можете: сначала чужое кладбище потоптать, потом своё» [13, с. 36–37]). Спустя некоторое время начавшееся противостояние заканчивается кровопролитием («Они казака? — спросил Артём, показав глазами на чеченцев. — А кто же, — ответил Афанасьев с деланной строгостью» [13, с. 155]).

В воспоминаниях соловчан описываются представители самых разных национальностей, а среди мемуаристов не только русские летописцы. Но никто из них не вспоминал о межнациональных расправах, в отличие, например, от случаев столкновений с профессиональными преступниками или охранниками (нередко это были одни и те же люди), о которых писали практически все. Важно отметить, что разделение на Соловках шло не по сословному или национальному признакам, что было характерно для послевоенной истории ГУЛАГа и было опосредовано целым комплексом внутри- и внешнеполитических процессов. Судя по воспоминаниям соловчан, вплоть до начала Второй мировой войны порицалось лишь сотрудничество с представителями лагерной администрации, тогда как происхождение того или иного человека не имело существенного значения [18].

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что, несмотря на знакомство с открытыми источниками, автор «Обители» не стремился вчитаться в исторические свидетельства и смирить себя перед чужой правдой, но занял позицию концептуалиста-схематика, погружающего себя и читателей в область частных символов и субъективных моделей восприятия: «Закупил книг 300–400 по всей Соловецкой истории, начиная с житий. Года полтора-два просто читал, читал и читал. Начитался до такой степени, что стал закипать, вся эта информация стала моим естеством, и в какой-то момент я открыл ноутбук и начал писать» [14].

Тут следует подчеркнуть, что исторические события в мемуарах соловчан в определённой мере также подвергались авторской обработке. Например, одна из наиболее известных книг о Соловецком лагере «Погружение во тьму» не является «в полном смысле слова воспоминаниями, где все излагаемые факты соответствовали бы действительности. Это произведение художественное, в котором избранный жанр предполагает не только отклонения от некоторых фактов, но и допускает прямой художественный вымысел» [3]. Но за художественным вымыслом и здесь, и в других источниках личного происхождения стоит опытное понимание фундаментальных законов бытия, приобщение к которым позволило заключённым не просто выжить и вернуться к нормальной человеческой жизни, но и возвыситься над происходящим. Не оправдать и не согласиться с окружающим злом, но разглядеть и побороть его в себе. Нередко литературной деятельности соловчан сопутствовала сознательная религиозная рефлексия, которая также накладывала печать на художественное представление событий про-

шлого. «Вспоминать и облагораживать — это в моей душе, по крайней мере, единый и неделимый акт, — писал Н. П. Анциферов. — Преступление нашей жизни память облагораживает путем стыда и раскаяния, образы страстей — путем охлаждения и одухотворения; значительные переживания, даруемые жизнью, испещренные будничными случайностями, сгущаются памятью в сплошные духовные массивы, и даже серость будней превращается из простой бесцветности в ценный момент красочной сложности жизни» [1]. Подобная сублимация не только не умаляет творчество заключённых, но возвышает его, делая созвучным подвигу монахов, которые, основав обитель Преображения Господня на удалённых островах северного Поморья, облагородили, одухотворили, преобразили некогда дикий край, превратив его в самобытный центр русской цивилизации. Таким образом, отвечая хронотопу исторической местности, мемуары становятся точкой пересечения пространственно-временных координат и отражают борьбу с метафизическим злом, которая на протяжении веков велась на беломорском архипелаге вначале братией, а затем невольными насельниками Соловецкого монастыря [7]. И потому даже нарочитое отступление от фактов могло приобретать в воспоминаниях соловчан аксиологическое значение и увеличивать значимость оставленных ими свидетельств. Особенно ярко указанная черта проявилась в творчестве Б. Н. Ширяева, для которого «было важно изложить именно сказание, предание, былинку. Отсюда и обескураживающие порой неточности, касающиеся истории Соловков <...>. Поэтому и читателю книги следует, вероятно, подходить к ней с другой меркой: как к литературе не о жизни, а о житии, в центре которой — коллективный “Угодник Божий”, Святая Русь» [17, с. 198].

Новизной «Обители» собственно и является *изменение точки отсчёта*, той меры реальности, которая определяет взгляды и поступки героев, а в конечном счёте и читателей произведения. Сами заключённые не идеализировали лагерную действительность, хотя и предполагали в ней лучшее и большее, чем собственное горе или окружающие страдания. Далеко не все из тех, кто сохранили память о Соловках, являлись верующими в строгом смысле этого слова, а тем более принадлежали к доминирующему в стране Православию. Но даже те, кто критически относился к религии, не были лишены идеалов, ради которых с готовностью жертвовали жизнью и благополучием с поистине религиозным воодушевлением. Яркий, хотя и не исключительный пример в этой связи приводит А. И. Солженицын, давая характеристику романистке А. П. Скрипниковой: «В пятнадцать лет она усиленно читала отцов церкви — исключительно для яростного опровержения батюшки на уроках к общему удовольствию соучениц. Впрочем, стойкость раскольников она взяла для себя в высший образец. Она усвоила: лучше умереть, чем дать сломать свой духовный стержень» [16, с. 533].

Отказ от идеала, особенно в отечественной культуре, которая исторически глубоко укоренена в религиозной традиции, находящей отражение в поступках даже внешне далёких от веры людей, низводит искусство до банального описания и умножения зла, ведёт к отказу от преображения личного и общественного бытия в пользу мерзости жизни и мерзости запустения. В своё время Ф. М. Достоевский совсем не случайно призывал судить «русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает» [8, с. 179]. И в этом смысле «Обитель» вольно или невольно продолжает дело разрушителей, при которых монастырь стал тюрьмой, монахов сменили чекисты, а благовест — стоны. В книге место Идеала занимает потерявший идеалы, лишённый покрова и содержания человек, от имени которого автор рассказывает парадоксальную,

но мало что проясняющую и уж совсем неутешительную историю, которая, если судить по успеху романа, вполне отвечает запросам современной читательской аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Анциферов Н. П.* Из неопубликованного // Звезда. 2014. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/8/6an.html> (дата обращения: 12.03.2016).
- 2 *Витковский Д. П.* Полжизни // Знамя. 1991. № 6. С. 91–138.
- 3 *Волков В. О.* Письма Д. С. Лихачева О. В. Волкову и его семье // Наше наследие. 2008. № 87. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8709.php> (дата обращения: 12.03.2016).
- 4 *Волков О. В.* Погружение во тьму. М.: Молодая гвардия, 1989. 460 с.
- 5 *Гей Н. К.* Образ и художественная правда // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер. М.: ИМЛИ РАН, 1962. С. 115–148.
- 6 *Грубе А. Р.* Секирка // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2015. Т. 3. С. 212–216.
- 7 *Гуреев М.* Д/ф «Путь одинокого странствия». Кинообъединение «Мастер», 2014. URL: <http://solovki-monastyr.ru/abbey/history/1326/> (дата обращения: 12.03.2016).
- 8 *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. Февраль 1876 // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 20 т. М.: ТЕРРА, 1999. Т. 18. 384 с.
- 9 *Зайцев И. М.* Соловки // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2014. Т. 2. С. 172–330.
- 10 *Коробкова Е.* «Сюжет новой книги родился после того, как мы с Велединским съездили на Соловки» // Вечерняя Москва. 2014. 8 апр.
- 11 *Литвин Н.* Гора Секирная // Соловецкие острова. 1925. № 9. С. 20–27.
- 12 *Польский М., протопресв.* Положение Церкви в советской России (Очерк бежавшего из России священника). Иерусалим, 1931. 122 с.
- 13 *Прилепин З.* Обитель. М.: АСТ, 2014. 746 с.
- 14 *Прилепин З.* Теплопожатие от Захара Прилепина // Камышловские известия. 2016. 30 янв.
- 15 *Розанов М. М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939: Факты – Домыслы – «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. США, 1979. Кн. 1. 293 с.
- 16 *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1965. Екатеринбург, «У-Фактория», 2006. Т. III–IV. 563 с.
- 17 *Талалай М. Г.* Русская судьба XX в.: каторга, ссылка, изгнание // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2013. Т. 1. С. 194–199.
- 18 *Умнягин В., свящ.* Тема межнациональных отношений в воспоминаниях соловецких узников // Stephanos. 2015. № 1(9). С. 38–53.
- 19 *Федин Э.* Солженицын и Шаламов // День и ночь. 2006. № 11/12. URL: <http://magazines.russ.ru/din/2006/11/fe54-pr.html> (дата обращения: 12.03.2016).

*priest Vyacheslav Umnyagin,
Solovetsky Transfiguration of the Saviour Stauropegial Monastery,
Solovki 164070, Russia*

THE NOVEL «ABODE» IN THE LIGHT OF REMINISCENCES OF THE SOLOVSKY PRISONERS

Abstract: Comparison of the novel «Abode» with the reminiscences of the Solovky prisoners shows mythogenic nature of this writing. The absence of real historical perspective has made it impossible for the contemporary writer to trace the genesis of the camp's environment and attain spiritual understanding of the GULAG phenomenon. The writing's novelty is achieved by changing the reference point of that degree of reality which defines views and deeds of the heroes and ultimately those of the readers.

Keywords: Prylepin, Antsyferov, Solzhenitsyn, Volkov, Solovetsky prison camp, memoirs, historical source, ideal, religious tradition, spiritual values.

Received: March 02, 2016

Information about the author: priest Vyacheslav Umnyagin — executive editor of the book series «Memories of Solovki prisoners» (1923–1939), Solovetsky Transfiguration of the Saviour Stauropegial Monastery. E-mail: solovki-news@yandex.ru

REFERENCES

- 1 Antsyferov N. P. Iz neopublikovannogo [Unpublished]. *Zvezda* [Zvezda], 2014, no 8. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/8/6an.html> (Accessed 12 March 2016). (In Russ.)
- 2 Vitkovskiy D. P. Polzhizni [Half a lifetime]. *Znamya* [Flag], 1991, no 6, pp. 91–138. (In Russ.)
- 3 Volkov V. O. Pisma D. S. Lihacheva O. V. Volkovu i ego semye [D. S. Likhachev's letters to O. V. Volkov and his family]. *Nashe nasledie* [Our Heritage], 2008, no 87. Available at: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8709.php> (Accessed 12 March 2016). (In Russ.)
- 4 Volkov O. V. *Pogruzhenie vo tmu* [Immersion into the Darkness]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1989. 460 p. (In Russ.)
- 5 Gey N. K. Obraz i hudozhestvennaya pravda [Image and artistic truth]. *Teoriya literatury. Osnovnyie problemy v istoricheskom osveschenii. Obraz, metod, harakter* [Theory of literature. Main problems in historical view. Image, method, character.]. Moscow, IMLI RAN Publ., 1962, pp. 115–148. (In Russ.)
- 6 Grube A. R. Sekirka [Sekirka]. *Vospominaniya solovetskih uznikov. Solovetskiy monastyr* [Memories of Solovetsk prisoners. Solovetsk monastery], 2015, vol. 3, pp. 212–216. (In Russ.)
- 7 Gureev M. D/f«Putodinokogo stranstviya» [Way of lonely wandering]. Kinoob'edinenie «Master» [Film association “Master”], 2014. Available at: <http://solovki-monastyr.ru/abbey/history/1326/> (Accessed 12 March 2016). (In Russ.)
- 8 Dostoevskiy F. M. Dnevnik pisatelya. Fevral 1876 [Diary of the writer. February, 1876]. Dostoevskiy F. M. *Sobranie sochineniy: v 20 t.* [Dostoevsky F.M. Collected works in 20 vol.]. Moscow, TERRA Publ., 1999. Vol. 18. 384 p. (In Russ.)

- 9 Zaytsev I. M. Solovki [Solovki]. Vospominaniya solovetskih uzbekov. Solovetskiy monastyr [Solovetsk monastery], 2014, vol. 2, pp. 172–330. (In Russ.)
- 10 Korobkova E. «Syuzhet novoy knigi...» [Plot of the new book...]. *Vechernyaya Moskva* [Evening Moscow]. 2014. 8 April. (In Russ.)
- 11 Litvin N. Gora Sekirnaya Sekirnaya Mountain]. *Solovetskie ostrova* [Solovetsk islands], 1925, no 9, pp. 20–27. (In Russ.)
- 12 Polskiy M., protopresv. *Polozhenie Tserkvi v sovetskoy Rossii* [Position of Church in the Soviet Russia]. Ierusalim, 1931. 122 p. (In Russ.)
- 13 Prilepin Z. *Obitel* [Monastery]. Moscow, AST Publ., 2014. 746 p. (In Russ.)
- 14 Prilepin Z. Teplopozhatie ot Zahara Prilepina [Warm handshake of Zahar Prilepin]. *Kamyshlovskie izvestiya* [Kamishlovsk news]. 2016. 30 January. (In Russ.)
- 15 Rozanov M. M. *Solovetskiy kontslager v monastyire* [Solovetsky concentration camp at the monastery]. USA, 1979. Book 1. 293 p. (In Russ.)
- 16 Solzhenitsyn A. I. *Arhipelag GULAG* [The Gulag Archipelago]. 1918–1965. Ekaterinburg, «U-Faktoriya» Publ., 2006. Vol. III–IV. 563 p. (In Russ.)
- 17 Talalay M. G. Russkaya sudba XX v. [Russian destiny of the XX century]. *Vospominaniya solovetskih uzbekov* [Memories of Solovetsk prisoners]. Solovetskiy monastyr, 2013, vol. 1, pp. 194–199. (In Russ.)
- 18 Umnyagin V., svyasch. Tema mezhnatsionalnykh otnosheniy v vospominaniyakh solovetskih uzbekov [Subject of the international relations in memoirs of the Solovki prisoners]. *Stephanos* [Stephanos], 2015, no 1 (9), pp. 38–53. (In Russ.)
- 19 Fedin E. Solzhenitsyn i Shalamov [Solzhenitsyn and Shalamov]. *Den i noch* [Day and night]. 2006. no 11/12. Available at: <http://magazines.russ.ru/din/2006/11/fe54-pr.html> (Accessed 12 March 2016). (In Russ.)